

О.А. Очирова, д-р социол. наук, проф., e-mail: 180750@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 316.73:378 (571.54)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ: ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЦЕННОСТНО-РАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В данной статье выделены два аспекта культуры бурятского этноса в качестве маркеров современных тенденций его развития: образовательный и социально-экологический. Автор относит образовательную культуру бурят к результату целерационального действия, а экологическую культуру – к результату ценностно-рационального, естественным образом трансформирующегося в традиционную форму. Обе стратегии поведения оцениваются как положительные, поскольку позволили достичь реальных успехов в адаптации бурят к конкретным социально-историческим условиям.

Ключевые слова: культура, бурятский этнос, образование, экологическая культура, целерациональное действие, ценностно-рациональное действие.

O.A. Ochirova, D. Sc. Sociology, Prof.

EDUCATIONAL AND ECOLOGICAL CULTURE OF BURYAT PEOPLE: GOAL-ORIENTED RATIONAL AND VALUE-RATIONAL EXPERIENCE OF LIFE*

This article deals with two aspects of Buryat ethnic group culture as markers of modern trends of its development: educational and socio-ecological. The author considers the educational culture of the Buryat people as a result of the goal-oriented rational action, and ecological culture – as a result of the value-rational action naturally transformed into traditional. Both strategies of behavior are assessed as positive, because they have led to a real success for Buryat people in adapting to the specific socio-historical conditions.

Key words: culture, Buryat ethnic group, education, ecological culture, goal-oriented rational action, value-rational action.

Осознание как негативных, так и позитивных результатов процесса глобализации можно рассматривать как некий переломный момент в истории человечества. Глобальные проблемы – демографические условия и ограниченность жизненного пространства, техническая мощь современного общества, несовершенная рыночная система удовлетворения потребностей и т.д. – с размерами и качеством их воздействия на окружающую среду, с общностью их последствий для всего человечества можно объединить в общепланетарную проблему выживания.

Возможность свободного развития индивида и даже целого этноса может в конечном счете оказаться утопией в том смысле, что мечта о подчинении природы и общества потребностям людей не сообразуется с законами их функционирования. Это можно объяснить тем, что непрерывные, мгновенно восстанавливаемые экологические и социальные взаимосвязи не дают возможности человеку охватить их в комплексе и проследить цепочку негативных и позитивных последствий собственного антропогенного воздействия.

Машина общественной системы, орудуя нормами и санкциями, не всегда производит ту человеческую продукцию, которую от нее ожидали. В то же время непрекращающиеся перемещения людей в общественной системе вызывают массу непредвиденных эффектов, связанных прежде всего с так называемым человеческим фактором.

Данные процессы прослеживаются и в социально-экологической деятельности, когда

* В данной статье автором предпринята попытка социологической интерпретации этнического опыта жизнедеятельности бурят, а именно по типологии социальных действий М. Вебера.

общество, преобразуя природу для собственного блага, дополнительно к последнему всегда получает прямой или косвенный отрицательный эффект. Другими словами, к ожидаемым результатам оно получает и те, которые не смогло предугадать. Дело остается за малым, т.е. за тем, чтобы научиться различать причины, которые могут вызывать негативные и позитивные последствия.

Сравнительно-исторический анализ экологического сознания в развитии общемировой культуры показал, что в целом можно проследить две основные группы ценностных установок в отношении к природе, которые в отдельные периоды человеческой истории доминировали в общественном сознании, не исключая друг друга. Одна группа ценностных установок не отделяла человека от природы, другая, наоборот, противопоставляла человека природе. Один путь развития приводит к экологическому кризису и нуждается в экологической этике, экологическом сознании. Другой путь развития сохранил для всего мирового сообщества те многие возможности, которые ему предоставлены сегодня сбереженным богатством природных кладовых.

В деле формирования экологического сознания и экологической культуры современного общества как никогда необходим диалог культур Запада и Востока. Возможно, он будет способствовать ослаблению значимости материального фактора и технократического подхода. Синтез различных культур с помощью современного уровня развития науки, информации и коммуникаций позволит сбалансировать достижения мирового сообщества в области духовно-нравственного совершенствования личности для формирования нового экологического сознания и культуры.

В качестве важного подтверждающего примера можно назвать то, что в традиционно поддерживаемой таким этносом, как буряты, системе взаимоотношений «человек – религия – природа» каждый индивид осуществлял самоконтроль и не было никакой необходимости контролировать индивида извне. Уровень его сознания диктовал ему соответствующее поведение, основой которого было «не брать лишнего». В современных реалиях этот принцип лишь институционально воплощен в виде, например, заповедников и заказников. Поскольку в мировоззрении современного человека законы природы предстают как преграда на пути к удовлетворению потребностей, то в результате поведение человека, оказавшегося один на один с природой, носит, по сути, агрессивный характер. Именно поэтому необходимыми становятся социальный контроль и внешнее регулирование каждым индивидом.

Веками формируемый у людей чисто материалистический подход к построению отношений «общество – природа» на самом деле не просто культивирует потребительскую психологию, а сужает круг возможностей достижения удовлетворения. Ведь рост потребностей не имеет предела, в то время как возможности удовлетворения его ограничены. Кроме того, потребительство ведет неизбежно к духовной деградации, когда теряется смысл самоконтроля, в то время как разумное самоограничение, идущее из традиционной бурятской культуры, дисциплинирует человека и приводит к гармонии его души и тела. Именно поэтому многовековой опыт жителей уникального Байкальского региона, в том числе и бурят, необходимо изучать объективно, нестандартно, с учетом современных глобальных реалий.

Особое внимание в этом плане можно уделить ценностно-рациональному опыту коренных жителей Байкальского региона, в частности, бурят, исповедующих буддизм и шаманизм, великая мудрость которых состоит в стремлении не нарушать ход естественного процесса, соизмерять каждое свое действие с его последствиями.

Современное состояние, угрожающее природной среде Байкальского региона, «достигнуто» за несколько десятков лет: промышленная вырубка леса, загрязнение Байкала и рек, питающих его, эрозия почв, пыльные бури, истощение ресурсов, загрязнение атмосферы и многое другое. Игнорирование, а порой отрицание материальной и духовной культуры коренных этносов, политика экспортирования «культурных ландшафтов» – все эти факторы практически перечеркнули вековые усилия традиционных укладов по сохранению природного наследия. Безусловно, эффект увеличения материального потребления населения региона был достигнут за короткое время, но за это приходится платить повышением уровня стресса,

напряженностью, неудовлетворенностью уровнем насыщения потребностей и, что самое печальное, деформацией экологического сознания коренных этносов.

Каждое этническое образование искало свой путь приспособления к природным условиям, пыталось вписать свою материальную культуру в емкость осваиваемой экосистемы. Используемые сегодня природные богатства сохранены в определяющей степени отношением исконно проживающих на конкретной территории этносов к природе. Экологическое равновесие Байкальского региона поддерживалось экологическим сознанием, специфическими для бурят законами конструирования отношений с окружающей природой. Такое поведение можно назвать ценностно-рациональным, когда человек пытается оптимизировать свои действия с учетом того, что применяемые средства не принесут вреда другим существам, природным явлениям и т.д.

На территории современной Бурятии веками осуществлялась жизнедеятельность, которую можно назвать моделью современного западного представления об устойчивом развитии. Смысл деятельности, по-своему улавливаемый западными представителями, пытаются как «через кальку» перевести на европейский рационализм, «приструнить» его. Но достижения гармоничного взаимодействия с природой, которые так импонируют Западу и которые они пытаются претворить, – это лишь поверхностное видение. Создать просто верхушку айсберга в виде сохраненной природы, сосуществующей рядом с активной человеческой жизнедеятельностью, недостаточно. Под этой видимой частью скрываются титанические пласты духовного и физического напряжения, связанные с императивами постоянного соизмерения потребностей людей и возможностей природы.

Ярким выражением высокой ценностно-рациональной культуры является ведение бурятами хозяйственно-бытовой деятельности через почитание стихий воды, воздуха, ветра, дерева. Удивительно, но к пониманию значимости этих природных явлений мир приходит лишь в последние полвека. В результате диалога культур Запада и Востока во второй половине XX в. появляется концепция устойчивого развития – пример запоздалого понимания, что люди являются частью системы окружающей среды. Только тот факт, что исторический отсчет устойчивое развитие ведет с искусственного разведения рыбы, технология которого давно освоена в Китае, может указывать на то, что концепция устойчивого развития – результат влияния азиатской культуры на европейскую.

И влияние, безусловно, обоюдное: на смену ценностно-рациональному подходу, присущему, например, бурятам, и во многом трансформирующемуся в традиционное, приходит и целерациональное действие.

Если до XX в. проживание в относительной изоляции позволяло бурятскому этносу осуществлять кочевой образ жизни, культивировать особые отношения с природой посредством практически замкнутой системы жизнеобеспечения (потребности максимально удовлетворялись через продукцию животноводства: жилище, пища, одежда, товарообмен), то законы общественного развития, столкновения культур, промышленная революция, надвигающаяся глобализация коренным образом изменили положение всех наций и народов. Они оказались перед необходимостью изменения стратегии поведения, социального действия.

Анализ индустриального развития Бурятии свидетельствует о противоречивом, наполненном немалыми трудностями и острыми проблемами периоде адаптации как для коренного, так и мигрировавшего населения. Для бурят как представителей, оказавшихся в регионе этническим меньшинством, это усугублялось и ассимиляцией, европеизацией. Все это, безусловно, потребовало огромных психологических, ментальных нагрузок. За короткое историческое время (в основном XIX-XX вв.) происходили коренные изменения в жизни бурят: принудительный перевод сначала на латиницу, затем на кириллицу бурятской письменности, основанной на старомонгольском алфавите, обучение на русском – иностранном – языке, попытка христианизации и, наконец, принижение роли и значимости культивируемой бурятским этносом вида хозяйственной деятельности. Одно название – «скотоводство», которым обозначили традиционно (в течение многих веков) культивируемое высококласное ведение

животноводства, символизирует отнюдь не уважительное отношение к аборигенному производству.

В целом нужно иметь в виду, что только объективный исторический анализ может дать исследователю представление о тех огромных духовных издержках, которые пришлось понести бурятскому народу в истекшее столетие, но, тем не менее, нашедшего в себе силы воспринять эти изменения и войти в общероссийское социальное, экономическое, политическое, культурное пространство, не растеряв при этом собственных культурных ценностей.

Объяснением этому может служить ряд факторов. В их числе важнейшее место занимает избранная стратегия бурят на получение образования как средства достижения высокого положения в изменившихся коренным образом социально-экономических условиях. Эта стратегия, безусловно, в отличие от предыдущей жизнедеятельности, формируемой в экосистеме, потребовала целерациональности, поиска эффективных инструментов благополучия в привнесённой системе ценностей. Этот выбор оказался почти беспроигрышным, о чем свидетельствуют успехи на этой ниве, а также справедливый интерес со стороны отечественных исследователей к образовательной культуре бурят как к одному из социальных феноменов XX в.

В целях исследования фактора высокообразованности бурят в XX в. автором изучены статистические материалы, предоставленные Статуправлением РБ. Для анализа были выбраны следующие статистические журналы по населению, его занятости и образованию: «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства», «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования», «Распределение учащихся отдельных национальностей по типам учебных заведений и возрасту», «Возраст и уровень образования населения по отдельным национальностям». Выборка производилась по признаку «Городское и сельское население. Оба пола». Также привлечены материалы кратких энциклопедических справочников, различные статистические сборники, газетные публикации и другие источники. Рассматривались в основном показатели бурят, но для проведения сравнительного анализа использовались также показатели и других национальностей, особенно местных русских и эвенков.

В контексте рассмотрения особенностей этносоциального развития в промышленную эпоху необходимо, на наш взгляд, отметить высокую степень включённости бурят в интеллектуальные процессы. Российские исследователи конца XX в. отмечали склонность бурят к получению образования и для проведения сравнительного анализа предлагали типизировать народы по конкретным показателям. Например, Т.М. Мастюгина и Л.С. Перепелкин пишут: «Для оценки модернизированности народов и стран обычно используют ряд эмпирических показателей, описывающих этот сложный и многогранный процесс через различные косвенные его проявления» [1; 307]. Они выбрали из них два показателя: 1) степень урбанизированности и 2) уровень образования. Если степень урбанизированности они определяют через долю (%) горожан в составе населения данной национальности, то уровень образования — через число лиц с высшим и незаконченным высшим образованием на 1000 человек населения данной национальности. Как мы видим по таблице «Показатели модернизированности некоторых народов России (1989)», народы России в соответствии с данными показателями были разбиты на пять групп.

В первую группу с наивысшими показателями уровня образования (число лиц с высшим и незаконченным высшим образованием на 1000 чел.) включены: украинцы (168), осетины (185), евреи (542), армяне (194), буряты (205).

Численность студентов высших учебных заведений по национальностям СССР, на начало 1989/90 учебного года на 10000 человек населения данной национальности (чел.) [2; 268]: буряты — 354 чел.; калмыки — 304; балкарцы — 279; осетины — 272; хакасы — 261; евреи — 257; адыгейцы — 241; якуты — 234; ингуши — 212; карачаевцы — 208; кабардинцы — 206; черкесы — 205; тувинцы — 195; русские — 190; народы Дагестана — 173; татары — 171; башкиры — 170; алтайцы — 164; чеченцы — 151; чувашаи — 139; коми — 133; марийцы — 116; удмурты — 115; карелы — 106; коми-пермяки — 88 чел.

Авторы пишут, что «среди крупных тюрко- и монголоязычных народов Сибири «наиболее «продвинутыми» являются якуты и буряты» [1; 264], (354 (буряты) и 234 (якуты)).

На основании приведенного анализа можно сделать следующие выводы. Буряты вносят большую лепту в историю социально-экономического развития России. И даже не столько своим непосредственным участием в промышленном производстве, сколько развитием животноводства, которым они всегда занимались исправнее и лучше других, тем самым внося конкретный вклад в удовлетворение первичных потребностей российских граждан. Кроме того, оказалось, что миролюбие и спокойствие, понимание и готовность к сотрудничеству, свойственные бурятам, – это те духовные ценности, которые приносят дивиденды в копилку общероссийской социально-экономической стабильности. К особенностям этносоциального развития бурят можно, без сомнения, отнести самую глубокую и широкую вовлеченность их в процессы интеллектуализации труда. Высокий престиж образования в среде бурят не потерял своей актуальности и в XXI в. [3].

Таким образом, в данной статье проанализированы важные стратегии адаптации бурятского этноса к окружающей среде (будь то общество или природа) с точки зрения теории социального действия. Целерациональные и ценностно-рациональные действия в полном смысле слова являются социальными действиями, имеющими определяющее значение в развитии общества и человека. Причем основной тенденцией развития исторического процесса, согласно М. Веберу, выступает постепенное, но неуклонное вытеснение ценностно-рационального поведения целерациональным, поскольку современный человек верит не в ценности, а в успех [4]. Действительно ли так происходит в современном мире? На примере социокультурных трансформаций, происходящих в рамках бурятского этноса, можно говорить о ценностно-рациональном подходе прежде, чем о целерациональном. Но как только происходит переход в глобальное общество, целерациональность становится приоритетной моделью действия.

Библиография

1. *Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С.* Этнология. Народы России: история и современное положение: учеб. пособие. – М.: ЦИНО общества «Знание», 1997. – 320 с.
2. Социальное развитие СССР. 1989: стат.сб. – М.: Финансы и статистика, 1991.
3. *Очирова О.А.* Ценностно-рациональный опыт жизнедеятельности и экологическая культура бурят // Культура жизни и жизнь в культуре. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. – С. 113–115.
4. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnye-deystviya.html>

Bibliography

1. *Mastyugina T.M., Perepyolkin L.S.* Ethnology. The peoples of Russia: history and current status: Textbook. – M.: CINO obschestvo “Znaniye”, 1997. – 320 p. (rus).
2. Social development of the USSR. – M.: Finansy i statistika, 1991 (rus).
3. *Ochirova O.A.* Value-rational experience of life and ecological culture of Buryat people // Culture of life and life in the culture. – Ulan-Ude: VSGUTU Press, 2013. – P. 113–115 (rus).
4. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnye-deystviya.html>